

ПОБѢЖДЕННЫЕ

Романъ

Д. Верга.

(Переводъ с итальянскаго).

Изъ «Журнала романовъ и повѣстей», издаваемого
редакціей «Недѣля».

С.-Петербургъ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обуховскаго
моста, д. №93.
1881

Оглавление

<u>Оглавление</u>	1
<u>I</u>	2
<u>II</u>	12
<u>III</u>	20
<u>IV</u>	24
<u>V</u>	34
<u>VI</u>	41
<u>VII</u>	45
<u>VIII</u>	57
<u>IX</u>	61
<u>X</u>	77
<u>XI</u>	83
<u>XII</u>	99
<u>XIII</u>	106
<u>XIV</u>	112
<u>XV</u>	120
<u>XVI</u>	127
<u>XVII</u>	131
<u>XVIII</u>	137
<u>XIX</u>	152
<u>XX</u>	163
<u>XXI</u>	171
<u>XXII</u>	180

I.

Малаволя было старинное крестьянское семейство въ Треццѣ, въ Сициліи. Всѣ Малаволя испоконъ вѣка были добрыми людьми и смѣлыми рыбаками. По настоящему въ приходской книгѣ они были записаны подѣ фамиліей Тоскано, но это ничего не значило, потому что съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, и въ Треццѣ, и въ окрестныхъ селеніяхъ ихъ знали всегда подѣ прозвищемъ Малаволя. Въ ихъ семьѣ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, переходили добрыя лодки на морѣ и прочныя домики на твердой землѣ. Нынче въ Треццѣ изо всего этого рода оставалась только семья дѣда Нтони, жившая въ своемъ домикѣ и обладавшая большой лодкой, покоившейся на отмели, у самага каменнаго бассейна, въ которомъ трецкія бабы полоскали обыкновенно бѣлье. Эту лодку звали «Провиденца», Житейскія бури, разсѣявшія въ разныя стороны другихъ Малаволя, не нанесли большого вреда ни этому домику, ни лодкѣ, покоившейся у бассейна; и дѣдушка Нтони имѣлъ привычку объяснять это чудо, показывая свой здоровый кулакъ, словно вырубленный изъ орѣшины, и приговаривая: «рука только тогда хозяйка весла, когда всѣ ея пять пальцевъ одинъ другому помогаютъ, когда большой палецъ работаетъ какъ большакъ, а мизинецъ не забываетъ, что онъ мизинецъ».

И въ самомъ дѣлѣ, семья дѣда Нтони была похожа на руку съ такими пальцами. Прежде всего онъ самъ — большой палецъ — заказывалъ и праздники, и работу; потомъ его сынъ Севастьянъ, котораго звали Севастьянище, потому что онъ былъ высокъ и широкъ, какъ святой Христофоръ, написанный на дверяхъ рыночной часовни; однако, какъ ни былъ онъ высокъ и широкъ, онъ только покорно слушался команды и не

подумаль-бы носа себѣ высморкать, еслибы отецъ не сказалъ ему: «высморкайся»; онъ и женился на «Марусѣ Длинной» потому, что ему было сказано: «женись на ней». «Длинная», милая женщина, ткала, солила рыбу и родила дѣтей, какъ подобаетъ домовитой бабѣ. Потомъ шли внуки, дѣти Севастьяна, по старшинству. Старшій Нтони, крупный двадцатилѣтній парень, которому иногда доставалась здоровая волосяная трепка отъ дѣда; потомъ Лука, у котораго «разсужденіе было какъ у большого» — по словамъ дяди; Мэна (Филомена), по прозванію св. Агафія, потому что она всегда сидѣла за пяльцами или кроснами; Алеша, маленькій соплякъ еще, зато весь въ дѣда, и Ліа (Розалія), покуда ни рыба, ни мясо. По воскресеньямъ, когда они входили въ церковь одинъ за другимъ, казалось, что идетъ процессія.

Ихъ домъ процвѣталъ, и дѣдушка Нтони слылъ за желѣзнаго человѣка. Его до того уважали, что трещяне непременно выбрали-бы его въ общинные совѣтники, если бы этому не воспротивился донъ Сильвестро, секретарь общиннаго управленія, который считалъ себя человѣкомъ проницательнымъ и утверждалъ, что дѣдъ Нтони — подгнившій хвостикъ старыхъ порядковъ, реакціонеръ, преданный бурбонамъ, заговорщикъ, добивающійся возвращенія Франческолло Бурбона, короля Франциска II, дабы деспотствовать во всей общинѣ, какъ деспотствуетъ доселѣ въ своей семьѣ.

На самомъ дѣлѣ, дѣдушка Нтони не думалъ о Франческолло и не видывалъ его никогда въ глаза, а думалъ только о своемъ домѣ, да приговаривалъ: у кого домъ на плечахъ, тому и хочется, да не спится, потому что кто приказываетъ, тотъ и отчетъ долженъ давать.

Въ декабрѣ 1863 года, Нтони, старшаго внука, потребовали въ рекрутское присутствіе, дабы завербовать въ матросы. Дѣдушка Нтони обѣгалъ тогда всѣхъ мѣстныхъ тузовъ, которые могли, по его мнѣнію, ему помочь. Но донъ Джіанъ-Марія, благочинный священникъ, отвѣчалъ ему, что, дескать, это прекрасно,

что это-то и есть плоды сатанинской революціи, что это подѣломъ: зачѣмъ навязывали на колокольню трехцвѣтныя тряпки. А донъ Франко, аптекаръ, онъ-же и сельскій лекарь, смѣялся въ свою большую бороду, потиралъ руки и клялся, что еслибы народъ догадался сколотиться немножко республикой, такъ всѣ бы эти налоги, всѣ бы эти наборы къ чорту полетѣли, солдатъ бы не было, а когда случилась-бы война, то всѣ могли бы сдѣлаться солдатами. Выслушавъ это, дѣдушка Нтони упрашивалъ и умаливалъ дона Франко, нельзя ли поскорѣе, прежде чѣмъ заберутъ Нтони въ солдаты, сдѣлать эту республику, — словно она была въ карманѣ дона Франко. Аптекарь даже разсердился. А присутствовавшій при этомъ донъ Сильвестро, общинный секретарь, чуть себѣ челюсти отъ хохота не своротилъ и замѣтилъ, что еслибы малая-толика изъ кармана дѣдушки Нтони могла незамѣтно скользнуть въ карманы нѣкоторыхъ особъ, ему, общинному секретарю, хорошо извѣстныхъ, то эти особы могли-бы найти серьезные тѣлесные недостатки у Нтони младшаго. Но, къ сожалѣнію, парень былъ такъ добросовѣстно скроенъ и сшитъ, что, увидавъ его въ присутствіи, докторъ нашель въ немъ единственный недостатокъ: ножищи такія крѣпкія, что ихъ съ мѣста не своротишь. Оказалось, однако, что колоннообразныя ножищи крѣпче чѣмъ жидкія могутъ стоять на палубѣ; броненосца въ ненастную погоду, и поэтому, не попросивъ даже позволенія у Нтони, его забрали въ матросы. Длинная Маруся, когда рекрутъ вели изъ присутствія въ казарму, бѣжала запыхавшись рядомъ съ сыномъ и все наказывала ему постоянно носить на груди образокъ Богоматери и посылать домой вѣсти всякій разъ, когда будетъ оказія, — напримѣръ, если кто изъ знакомыхъ изъ села въ городъ; встрѣтится и въ Треццу поѣдетъ; а тамъ, послѣ, она общала, и деньжатъ на письма посылать будутъ.